

Буду
кошкой сидеть
на твоём плече

Хуторная Елена

16+

Елена Хуторная

**Буду кошкой сидеть
на твоём плече**

«ЛитРес: Самиздат»

2009

Хуторная Е.

Буду кошкой сидеть на твоём плече / Е. Хуторная — «ЛитРес: Самиздат», 2009

ISBN 978-5-532-06969-5

Книга о том, как мы следуем друг за другом из жизни в жизнь, меняя обличия, но сохраняя в душе все ту же любовь, то же желание быть вместе. Алиса, Мелисса, Святослав. Мистика, любовь, кошки. Ещё одна жизнь, в которой они снова встретятся, и неважно, в каком виде они предстанут друг перед другом, кем будут друг другу приходиться. Главное, что они снова будут вместе...

ISBN 978-5-532-06969-5

© Хуторная Е., 2009
© ЛитРес: Самиздат, 2009

*Буду кошкой сидеть на твоём плече,
тереться о твоё ухо,
тепло обвивать твою шею,
ходить по твоей спине, проминая её мягкими лапами,
буду спать у тебя на груди, мурлыча себе под нос,
потягиваться на твоих коленях,
буду делиться с тобой своими девятью жизнями,
спасать от головной боли и, яростно шипя, отгонять от тебя злую нечисть.
Буду сниться тебе прекрасной девушкой,
гибкой,
зеленоглазой,
предназначенной тебе судьбой.*

В голове никак не укладывалась схема будущего тренинга – не получалось уместить в него все, что требовал заказчик. Точнее, оно умещалось, но как-то коряво, без связи одного с другим, и вообще в последнее время работалось тяжело – как будто камни приходилось ворошить. Идеи все равно рано или поздно приходили, но без прежней легкости, азарта, вдохновения, да и были какие-то... убогие, если честно.

Святослав еще недолго постоял у окна и отошел обратно к дивану, растянулся на нем, прикрыл глаза. Только бы не уснуть, ведь поза как нельзя лучше располагает к этому, но зато и мысли иногда рождаются полезные именно в таком положении, будто на границе между сном и бодрствованием, когда тело собой уже не обременяет, но ты еще в состоянии контролировать жизнедеятельность души.

Конечно, он все-таки уснул.

Проснулся от шума в коридоре. В следующую секунду в комнату зашла Инга.

– Опять спишь? – спросила она. – Ты же говорил, тебе нужно готовиться к тренингу.

Она как всегда была хороша, стройная и ладная, и он какое-то время следил за ней взглядом, пока она наклонялась, снимая чулки, и изгибалась, расстегивая замок на юбке. Попытался вспомнить, когда они в последний раз занимались любовью. Оказалось, что давно: неделю назад или даже больше.

– А я и готовлюсь, – ответил он.

– Лежа на диване?

Они обсуждали эту тему уже неизвестно сколько раз, и у него не было никакого желания снова объяснять свою позицию.

– Да, лежа на диване, – сказал он. – Пойдем ужинать, я пожарил рыбу.

На пороге комнаты появилась Анисья – одиннадцатилетняя дочь Инги.

– Привет, Святослав, – сказала она.

– Привет, Анисья, – отозвался он. – Как дела в школе?

– Получила сегодня пятерку по литературе.

– Умница! – похвалил он. – Иди переодевайся, мой руки и приходи ужинать.

Анисья кивнула и направилась в свою комнату.

За ужином Инга съела полпорции рыбы и выпила чашку зеленого чая без сахара и без молока. Не давая перебить себя и не делая попыток послушать кого-то еще из присутствующих, рассказывала о делах на работе: как в очередной раз она отстаивала свою точку зрения перед генеральным директором, который, по обыкновению, проявлял только консерватизм, скудоумие и был не в состоянии просчитать будущее на пару шагов вперед. Возмущение Инги, четвертый год занимавшей пост финансового директора в крупной торговой компании и не раз доказавшей свою правоту и умение верно спрогнозировать ситуацию, было более чем понятно,

но Святославу, у которого не клеилось с тренингом, хотелось только, чтобы она помолчала хоть несколько минут и дала подумать о своём.

Анисья быстро съела свой ужин и, прихватив с собой пару конфет и сок, отправилась к себе.

– Сколько раз я просила тебя не есть в комнате, – одернула Инга дочь.

Та сделала вид, что ничего не слышала, и скрылась в коридоре.

– Кстати, – переключилась Инга на Святослава, – ты опять пережарил рыбу.

– Разве?

– Что в тебе вызывает сомнения? По-твоему, я не могу отличить нормально приготовленную рыбу от пережаренной?

Инга начала заводится, и Святослав почувствовал, как, несмотря на все усилия, в нём тоже начинает расти раздражение.

– Вот когда будешь сама готовить, тогда сможешь оставлять её хоть сырой, – ответил он.

– Вот когда я смогу себе позволить валяться целыми днями на диване, тогда, может, у меня появится время на готовку!

Резко отодвинув стул, Инга встала и вышла из кухни. Святослав тоже поднялся и пошел мыть посуду.

Остаток вечера провели в разных комнатах: Инга просматривала какие-то документы, Святослав пытался думать над тренингом. Когда оказались в одной постели, он все-таки сделал попытку пододвинуться к ней поближе. Инга не отпрянула, но и не сделала движения ему навстречу. Он провел рукой по ее бедрам, по спине, животу. Она наконец повернулась к нему. Молча отдалась, не издав ни звука, даже, кажется, не попытавшись получить удовольствия от близости, – про работу она рассказывала куда с большей страстью. Раньше она тоже не была особо пылкой и с большей охотой проводила время за душевными разговорами, чем в постели, но хотя бы откликалась на его ласки; теперь же не было ни разговоров, ни нормального секса – каждый раз будто одолжение делает, даже засыпать рядом с ней стало не так легко, как раньше.

Поворочавшись, но так и не уснув, Святослав поднялся и снова отправился к компьютеру.

Ночью ему всегда лучше думалось, и на этот раз, к счастью, в конце концов все блоки тренинга удалось более-менее логично увязать между собой. Не так красиво, как хотелось бы, но это уже было что-то, с чем по крайней мере можно было ехать на завтрашнюю встречу с заказчиком.

Алиса возвращалась с работы домой и думала, что надо бы позвонить своей массажистке – стала опять беспокоить спина. То вроде бы ничего, а то вдруг разболится как сегодня и не дает ни сидеть нормально, ни стоять, ни тем более двигаться так, как это требовала от нее преподавательская деятельность. В очередной раз пообещала себе регулярно делать полноценную разминку и растяжку и давать себе отдых между занятиями, правда, тут же испытала сомнения в том, что она воплотит свои намерения в жизнь: ни сил, ни желания выполнять эти общения она в себе не чувствовала.

Надо было зайти в магазин и купить себе что-нибудь на ужин – фруктов или что-нибудь кисломолочное, – а то ведь наверняка Вера Павловна опять напекла пирогов или нажарила картошки с мясом.

– Алисочка, вы такая худенькая, – каждый раз говорила она, – вам надо полноценно питаться...

Бесполезно было объяснять, что она и должна быть такой.

Удовольствие от кулинарного мастерства домработницы получал только Богдан, который любил и жирное, и сладкое, и печеное, и разом сметал все приготовленное, памятуя о том, что чем оно свежее, тем вкуснее. Правда, после этого ему приходилось удваивать нагрузку в спортзале, но даже это его не останавливало.

Алиса зашла в супермаркет и аптеку, после чего поспешила сесть на маршрутку, чтобы до прихода Богдана, который чаще всего возвращался поздним вечером, успеть принять душ и поесть в одиночестве. Однако уже подходя к ограде, вспомнила, что он что-то говорил о каких-то гостях: в доме везде горел свет, и внутри было шумно илюдно.

Она, не теряя надежды пробраться в спальню незамеченной, скользнула по коридору, но тут же столкнулась с самим Богданом.

– Привет, лиса, – поцеловал он ее, обняв и обдав густым запахом парфюма. – Как дела? Давай переодевайся скорее и приходи к нам, уже почти все собрались.

Алиса обреченно подалась в гардеробную и достала вечернее платье. С ненавистью посмотрела на туфли – после полного рабочего дня, проведенного на ногах, надеть их казалось невысказанным. Всерьез подумала, что, может, выйти к гостям босиком? В конце концов она у себя дома. Но все-таки заставила себя обуться – она и так то и дело подводила Богдана своими выходками, так что не стоило делать этого еще и намеренно.

Вышла в гостиную. Мелькали знакомые и не очень лица. Судя по составу гостей, собрание опять было связано с увлечением Богдана – какой-нибудь очередной его творческий проект. Богдану не жилось спокойно на дивиденды от деятельности его оптово-розничной компании по продаже алкоголя – в последнее время его так и тянуло в шоу-бизнес. Правда, в их городе не существовало ничего сколько-нибудь серьезного, что можно было бы назвать этим словом, но он был уверен, что сможет изменить ситуацию.

– Пойдем, – он схватил ее за руку и потащил куда-то, как только увидел, – познакомлю тебя кое с кем. У вас так много общего, тебе наверняка будет интересно.

Молодой человек, которого ей представил Богдан, оказался хореографом, но Алисе не было это интересно. С тех пор, как она сама перестала профессионально заниматься бальными танцами, она старалась держаться подальше от танцевального мира и всех его представителей.

Алиса вежливо кивала, пока тот говорил, но улизнула от него при первой же возможности. Собиралась выскользнуть из набитой людьми комнаты и наконец-то укрыться в каком-нибудь укромном месте, когда Богдан опять заметил ее и снова потащил с кем-то знакомиться, правда, на этот раз хотя бы не оставил ее одну, а обняв ее за талию, слушал и смеялся шуткам какого-то развязного типа, который, судя по всему, казался себе очень остроумным и неотразимым.

Хотелось принять ванную, съесть банан и выпить стакан теплого молока. Болели ноги и спина. В комнате было душно и накурено, кружилась голова.

– Я пойду, Богдан, – вдруг сказала Алиса и вывернулась из-под его руки.

Даже не посмотрела на него самого и его гостя – просто не было сил извиняться и что-то объяснять. Поднялась на второй этаж. Помыла и съела банан, запила молоком прямо из тетрапака, чтобы не спускаться вниз за стаканом, и, наскоро приняв душ, упала на кровать. Дверь в спальню закрыла, чтобы к ней не забрели чересчур любопытные гости, так что Богдану пришлось спать в комнате для гостей.

Утром он разбудил ее громким стуком в дверь – ему нужно было попасть в ванную, где находились его бритвенные принадлежности.

– Вчера было столько интересных людей, – сказал он бреясь, – ну почему ты сбежала? Что опять было не так, а, лиса?

Алиса лежала в кровати и не отвечала. Испортил ей все утро. Разбудил, хотя это был единственный день, когда у нее не было занятий с утра, и она могла поспать подольше. Сто раз ему говорила.

Наконец он оделся и, выйдя из спальни, сбежал по лестнице, напевая себе под нос что-то бодрое. Хлопнула входная дверь.

Алиса встала и спустилась вниз. Брезгливо прошла через гостиную и кухню, старательно обходя валяющийся на полу оставшийся после вчерашнего приема мусор, открыла все окна,

чтобы побыстрее выветрился несвежий, застоявшийся воздух. К сожалению, Вера Павловна должна была придти только после обеда, поэтому до того времени Алисе пришлось скрываться в спальне наверху, где сохранился хоть какой-то порядок. Зато можно было наконец-то уделить время водным процедурам. Алиса наполнила большую ванну, щедро насыпала в нее ароматическую соль и с наслаждением погрузилась в воду.

В воскресенье, вернувшись с тренинга, Святослав обнаружил дома нового жильца.

– Правда, она хорошенькая? – спросила Анисья, поднося ему в ладонях маленького светло-рыжего котенка.

Святослав никогда не разбирался в кошках и не любил их, к тому же устал и вымотался за день, поэтому меньше всего ему хотелось восторгаться этим мелким беспомощным существом. Однако Анисью тоже не хотелось расстраивать.

– Это кошка? – постарался он изобразить интерес.

– Да!

– Как ее зовут?

– Мелисса.

– Сама придумала?

– Нет, в родословной так написано. Означает «пчела» и «медовая». Правда, похожа?

– А у нее, значит, еще и родословная есть?

– Да, мама захотела взять породистого котенка.

– И что же? Будете теперь разводить кошек?

– Не знаю, – пожала плечами Анисья. – Но, наверное, будет здорово, если у нее когда-нибудь будут котята?

Святослав во время разговора потихоньку продвигался к спальне.

– Наверное, – согласился он, достигнув наконец двери комнаты. – А теперь если ты не против, я пойду переоденусь и немного приду в себя, хорошо? Жутко устал.

– Ужинать будешь? – спросила Анисья сочувственно. – Приходи на кухню, я как раз буду кормить Мелиссу.

Он кивнул и поспешил скрыться за дверью.

Весь вечер был посвящен новому приобретению: искали место для кошачьего домика, играли с котенком в его кошачьи игры, кормили, гладили, приучали к кошачьему туалету. Сам котенок охотно участвовал во всех этих делах, отчего Анисья пребывала в полном восторге, и даже Инга в кои-то веки слегка расслабилась, позволила себе улыбнуться и против обыкновения стала похожа на довольного жизнью человека. Святослав, испытывая удовлетворение от успешно проведенного тренинга и от того, как он хорошо справился со всеми возникшими по его ходу сложностями, наблюдал за этой идиллией. Наконец от усталости у него начали слипаться глаза, и, пожелав себе, чтобы таких удачных дней выдавалось побольше, он отправился спать.

Из квартиры только-только успел выветриться запах недавней вечеринки, как Богдан притащил в дом каких-то друзей.

– Они проездом через наш город, – сказал он Алисе, – и я предложил им остановиться у нас. Всего на пару ночей – ты же не против, лиса?

Она вежливо улыбнулась гостям и ушла в спальню.

Весь вечер снизу раздавался шум, смех, вскрики, потом играла музыка, уже ночью кто-то несколько раз пытался вломиться к ней в комнату, дверь была заперта, но Алиса все равно проснулась. После этого никак не могла заснуть, лежала и вспоминала, когда бы она в этом доме чувствовала себя защищенной и расслабленной. У них почти всегда было так: кто-то приходил в гости или ночевал, или жил неделю или две, или три. Днем в квартире безраздельно

властвовала Вера Павловна, и нельзя было выйти из спальни, чтобы не наткнуться на её повсеместное присутствие, подкрепленное авторитетным мнением. А по ночам рядом с ней был Богдан. Храпящий и тяжело ворочающийся во сне. Или романтически настроенный и добивающийся её ответной реакции. И было непонятно что хуже.

Когда Алиса была маленькой, и родители вдруг начинали ругаться особенно шумно, их кот Афанасий приходил в невероятное волнении и спустя непродолжительное время после начала ссоры, видимо, не в силах терпеть неблагоприятную обстановку в окружающем его пространстве, сбегал на улицу через форточку – благо, они жили на первом этаже и до земли было недалеко. Где он пропадал, никто не знал, но возвращался он всегда ровно тогда, когда родители успокаивались и дома все утиhalo.

Алиса вспоминала его каждый раз, когда ей становилось тяжело находиться в месте, где она жила – сначала с родителями, потом с Богданом, – и хотелось, как Афанасию, сбежать, воспользовавшись любой лазейкой. Но то ли не было подходящей форточки для неё, то ли ей было страшно ею воспользоваться из опасения, что может не оказаться дороги назад – в любом случае она по-прежнему оставалась там, где была.

Сегодня она опять не сделала разминку, и поэтому снова болела спина. Массажистке не позвонила. А теперь уже наверняка еще и не выспится. Может, хоть завтра у неё будет шанс начать новую жизнь – как-никак понедельник.

Стало тихо и темно, все уснули. День выдался долгий, поэтому тоже хотелось спать, но в новой, непривычной обстановке было сложно расслабиться. Новые запахи, звуки, вибрации обступали со всех сторон. Тихо сопела во сне девочка, беспокойно вздрагивала новая хозяйка, за стеной, в соседней квартире кто-то ворочался и что-то некрupное и, кажется, безобидное цокало коготками по полу. От легкого сквозняка слегка шевелились ишторы, а под окнами время от времени проходили люди и пробежали собаки. В ночном небе проносились летучие мыши, за сеткой, которой были затянуты рамы, звенели комары.

В новом доме совсем по-другому пахло. В том месте, откуда она пришла, больше было природных запахов: пахло мамой, братьями и сестрами, растениями, стоящими на подоконниках, землей, в которой они росли, рассыпанной глиной их горшков, старым деревом, о которое было так удобно точить коготки, пылью потрепанных половиков, от которой все время хотелось чихать, даже хозяйка и хозяин пахли почти так, как пахнут звери. Здесь же отовсюду тянуло чем-то ненастоящим, чем-то резким и раздражающим, от чего хотелось отпрянуть и отчего свербело потом в носу.

Уснуть не получалось, к тому же захотелось пить. На кухне был прохладный пол, и лапам было приятно. Вообще в новом доме почти всего было приятно касаться: деревянного пола, теплой бархатистой ткани стульев, обивки кожаного дивана, который, кстати, и пах в отличие всего остального неплохо. Было приятно находиться в ладонях молодой хозяйки. И вода здесь была вкуснее, без того привкуса, который с самого рождения казался привычным и единственно возможным.

Когда жажда была утолена, потянуло опять обойти свои новые владения. Еще столько неизученного таили в себе эти большие комнаты. Вот здесь, например, появилась щель, которой не было раньше. Что-то свисающее сверху раздражающе коснулось усов и пришлось резко отпрянуть назад. Ладно, разберемся с этим потом.

От чего-то совсем близкого потянуло теплом, спокойствием и умиротворением, которых так не хватало весь день. И пахло приятно, ново, но приятно. Даже захотелось прилечь поближе и, пожалуй, именно здесь устроиться на ночь. Всего-то понадобилось – запрыгнуть на невысокий край кровати. Потом потоптаться, приноравливаясь к новому месту, увалиться удовлетворенно рядом с большим и теплым, вытянуть лапы и наконец-то провалиться в сон...

Алиса проснулась.

Приснится же такое. Видимо, не стоило на ночь вспоминать Афанасия.

Бодрствование Святослава началось с ощущения чего-то теплого под боком.

Он открыл один глаз: Инги рядом не было. Да и грело не с той стороны, где она обычно лежала.

Он открыл второй глаз. И увидел рядом с собой на белой простыне мохнатый светлорыжий комок, безмятежно посапывающий во сне.

Только этого не хватало.

В окно уже вовсю било солнце – как всегда, после тренинга пришлось долго отсыпаться. Раньше он быстрее восстанавливался, но теперь не чувствовал в себе прежней энергии, не хватало сил на ораву из двадцати человек, среди которых обязательно находились один или два, которые думали, что все знают лучше тренера и вообще не понимают, зачем их, таких умных, притащили на какое-то обучение. Естественно, так случилось и накануне. Естественно, оказалось, что этот самый знающий является носителем чуть ли не всех возможных для такой среды комплексов, которые он на протяжении всего тренинга и вываливал старательно на всех окружающих и в первую очередь на самого Святослава.

Святослав осторожно потянул за край простыни, которой был накрыт, но рыжее чудище не желало обращать внимание на столь деликатный намек, что пора бы уже просыпаться, и продолжало спать, лишь слегка сменив позу. Он немного дернул ткань. Чудище приподняло голову и открыло один глаз.

– Да вставай же уже, – с досадой сказал он.

Котенок сладко потянулся и зевнул во всю свою крошечную розовую пасть.

Святослав наконец поднялся с постели.

На завтрак приготовил себе яичницу с ветчиной, кофе, из хлебницы выложил на тарелку маленькую сдобную булочку. Мучное – это обычно лишнее, но после вчерашнего стресса можно было себе позволить – для восстановления потраченных сил.

Не успел он сесть за стол и приступить к трапезе, как на кухню влетел котенок и уселся прямо напротив его табурета. С ожиданием уставился на Святослава.

Он опустил уже поднесенную ко рту вилку.

– И чего тебе? – спросил он.

Та попереминалась с лапы на лапу, проследила за траекторией опускаемой на тарелку вилки и снова перевела взгляд на Святослава.

– Ты есть хочешь или что? – снова спросил он.

Интересно, и чем же его кормить? Наверное, какой-то специальной кошачьей едой? Вчера Инга вроде покупала что-то, но где это искать? Хотя постойте, где-то тут его чашки и миски, в них точно должно быть что-то положено!

Чашка оказалась полна каких-то мелких, несъедобных на вид сухариков. Святослав поднял ее и поднес к носу – пахло не очень.

– И вот это вас заставляют есть? – недоверчиво поинтересовался он. – Хотя это же, наверное, какой-то специальный корм, с витаминами и всем таким...

Пока он исследовал кошачью посуду, котенок подошел к нему, повертелся у его ног, потом тоже принялся к поставленной на пол чашке. Судя по всему, его ничего в ней не заинтересовало, потому что когда Святослав снова направился к столу, он последовал за ним и опять уселся, с ожиданием глядя на него. Святослав посмотрел на котенка.

Подцепил из своей тарелки кусок ветчины и положил на пол.

– А если так?

Котенок обнюхал ветчину и взялся зубами за один из ее краев. Похоже, куска должно было хватить надолго, и наконец-то можно было спокойно поесть.

После завтрака Святослав отправился к компьютеру и выложил перед собой записи, сделанные на прошедшем тренинге, – по желанию заказчика нужно было подготовить краткую характеристику на каждого участника.

Не успел он погрузиться в работу, как за спиной раздалось шуршание, шлепок и яростное шипение. Святослав резко обернулся на звук и не удержался от смеха, увидев рыжее существо изогнувшееся, со вставшей дыбом шерстью и оскалившееся на упавший на него пластиковый пакет с колготками Инги. Она оставила его на гладильной доске, а котенок повис на лежащей под ним одеждой и стащил его с доски вместе с брюками. Мелисса долго после этого не могла успокоиться, еще какое-то время ходила вокруг пакета, приюхиваясь к нему и отскакивая при каждом шорохе, пока наконец не забралась в него с головой и не принялась барахтаться в нем, играясь.

– А вот это ты зря, – сказал Святослав, оглянувшись в очередной раз на игрища, устроенные за его спиной. – Инга нас точно не похвалит, если ты сейчас раздерешь всю ее коллекцию эксклюзивных чулок.

Он поднялся и подошел к пакету. Котенок выглянул из него и с интересом посмотрел на Святослава. Тот нагнулся и поднял пушистое тельце, выуживая его из дорогостоящей лайкры.

Мелисса оказалась такой хрупкой и худенькой под взлохмаченной рыжей шубкой, одни тоненькие косточки да круглый животик, набитый съеденной на завтрак ветчиной.

– Ну ты и доходяга, оказывается, – подивился Святослав. – А с виду и не скажешь – вполне округлый, благополучный детеныш.

Котенок был шелковистым и приятным на ощупь, и захотелось подержать его в руках. Святослав, прижав его к груди, вернулся к компьютеру. Мелисса быстро соскучилась сидеть на одном месте, зашевелилась в его ладонях и цепляясь коготками за его рубашку, полезла вверх. Добралась до плеча, уселась на нем, удовлетворенно посмотрела сверху вниз на клавиатуру и бумаги, разложенные на столе.

– Вот так, значит, да? – сказал Святослав, впрочем, без всякого недовольства. – Нашла себе место.

Она даже ухом не повела. Повернула голову к его волосам, приюхалась сосредоточенно, приоткрыв рот и приподняв верхнюю губу.

– И чего ты там унюхала? – поинтересовался Святослав, заметив странное выражение на ее морде.

Но в следующую секунду Мелисса уже утратила интерес к его шевелюре и прицелившись, спрыгнула с его плеча на стол, потом на пол. Прошествовала к выходу из комнаты и скрылась за поворотом.

– Ну и мне тоже не так уж и хотелось, – почему-то обиделся Святослав.

Пора было возвращаться к работе.

Она находилась в комнате, залитой солнечным светом, за окном носились стрижи, по люстре ползла чудом пробравшаяся сквозь сетки на рамах мошка, пахло чудесным летним днем, травами и солнцем, а еще какой-то невкусной растительной едой из соседней квартиры и проехавшей мимо дома машиной. В соседней комнате приятно шумело и оттуда тянулся какой-то незнакомый, но весьма аппетитный запах. Она направилась туда.

О, опять это большое и теплое, от чего так веяло умиротворением ночью. Рядом с ним и сейчас приятно было находиться. Еще бы получить того вкусного, что дымилось на его тарелке. Ну что он смотрит так непонимающе? Не хочет она эти сухари.

Наконец-то вкусно позавтракали. Потом поиграли. Потом он взял ее на руки – как хорошо. Она забралась к нему на плечо и вдруг учуяла что-то – словно напоминание из прошлой жизни. Как будто прошла перед глазами другая эпоха, другое время, когда они, оказыва-

ется, уже знали друг друга. Все там было: и плохое, и хорошее – но больше все-таки хорошего. Ладно, хватит на сегодня воспоминаний.

Она снова оказалась на полу. Надо все-таки пойти проверить, осталась ли та щель, которую она обнаружила вчера...

Алиса проснулась от резкого толчка. Открыла глаза, и снова все вокруг стало цветным и ярким.

Она всего на несколько минут заснула в автобусе по дороге на работу, и ее тут же снова обступили запахи и звуки, которых она в обычной жизни даже не заметила бы. В теле появилась давно забытая легкость и гибкость, казалось, ничего не стоит запрыгнуть на этот стул, потом с него перелететь на диван, протиснуться в узкую дверную щель. И проделать все это действительно удалось легко. Правда, мир при этом казался несколько тусклее – всего несколько оттенков голубого, зеленого и желтого, а все остальное смазано черно-белым пятном, состоящим из разных оттенков серого. Но это не мешало – хватало других впечатлений.

Странный сон – и этот, и тот, что приснился ночью. Но приятный. Хочется его вспомнить, чувствовать себя легкой и гибкой, мягко и бесшумно ступающей по деревянному полу. И этот человек... Она совсем не помнит его лица. Помнит ощущение от его присутствия, вибрации, исходящие от него, его запах, но не то, как он выглядит. Хотя это и неважно.

День прошел хорошо, а по сравнению с предыдущими днями даже очень хорошо. Почти не напоминала о себе спина, и двигалась она с большим удовольствием, чем обычно, даже ученики заметили ее приподнятое настроение.

Вечером оказалось, что гостям, прибывшим накануне, пришлось уехать раньше времени, а Богдан поехал на какое-то мероприятие и должен был задержаться допоздна. Дома снова царил тишина и никого не было. Алиса приняла ванну, поужинала, полежала на ровном полу, давая отдых спине. Когда ложилась спать, понадеялась, что во сне она снова будет кошкой, но на этот раз ей ничего не снилось. Правда, спала она замечательно и проснулась в хорошем настроении и полная сил.

– «...черные кошки забирают у хозяев отрицательную энергию, кошки более светлых тонов – рыжего и кремового окрасов – тонизируют энергетику хозяев и заряжают положительной энергией...», – читала Анисья со страницы в Интернете.

Святослав слушал вполуха, при этом вполглаза просматривая один из экономических журналов, которые постоянно покупала Инга.

– Святослав, ты слышишь? – повернулась к нему Анисья.

– Да, да, конечно, слышу, – оторвался он от журнала. – Заряжают положительной энергией...

– А еще, – продолжила она, – они могут лечить хозяев. «Долгая дружба с кошкой способствует укреплению здоровья человека, его иммунной и нервной системы. Они являются прекрасными помощниками для снятия стресса или переутомления. Когда вы испытываете чувство страха или неуверенности в присутствии кошки, то она способна поглощать ваши негативные эмоции, вызывая у вас покой и чувство защищенности от ваших страхов. Когда гипертоник гладит кошку, у него снижается артериальное давление. Также кошка обладает способностью предотвратить инфаркт».

Святослав вдруг заинтересовался.

– И что же, когда у тебя стресс, нужно брать кошку и прикладывать ее к голове? Или к чему там ее прикладывают, когда ты устал и вымотался?

– Нет, тут написано, что лечение возможно, только если у тебя с кошкой хорошие отношения, и она сама хочет тебе помочь. Тогда она, уловив твоё настроение, сама к тебе придет.

– А по-моему, все это бред, – сказала Инга, заходя в комнату. – Если бы все было так просто, у нас никто не умирал бы от инфарктов.

– Наверняка с этим так же, как и со всяким другим лечением – кому-то оно подходит, кому-то нет, – возразил Святослав.

– Ну да, как же, – отозвалась Инга, – верь этим сказкам.

Вообще-то ему тоже с трудом верилось в такие способности кошек, но соглашаться с Ингой категорически не хотелось.

Пришла Мелисса и, запрыгнув на диван между Ингой и Святославом, направилась к Святославу. Сделала попытку угнездиться у него на коленях, но его ноги были разведены в стороны, и у нее никак не получалось устроиться. Он сдвинул ноги. Мелисса наконец-то улеглась и стала наблюдать за происходящим в комнате.

Инга потянулась к котенку и, забрав его у Святослава, посадила к себе на колени и начала гладить.

– Чем будешь заниматься на этой неделе? – спросила она у Святослава. – Есть заказы?

Мелисса сделала попытку слезть с ее колен, но Инга насильно удержала ее, продолжая водить рукой по рыжей спинке. Мелисса недовольно отвела уши в стороны, искоса следя за движениями ингиной руки, и начала подрагивать хвостом.

– Пока назначена только одна психологическая консультация и встреча с потенциальным заказчиком, – ответил Святослав и подумал, что если бы мог, то тоже сейчас прижал был уши и занервничал хвостом как Мелисса.

Кошка снова сделала попытку удрать от Инги, но та снова ее удержала.

– И что будешь делать?

– А что я должен делать?

– То есть ты считаешь нормальной такую степень загруженности?

– Нет.

– Что нет?

– Нет, не считаю.

– Ай! – вдруг возмущенно вскрикнула Инга.

Мелисса, почувствовав, что ее хватка на время ослабела, собрала все свои силы, и что было мочи рванула с ее колен, оставив у нее на коленях заметные царапины.

– Черт! – разозлилась Инга. – Как я теперь надену юбку?! Паразитка!

Мелисса обогнула диван и, перебравшись через подлокотник со стороны Святослава, снова устроилась у него на коленях.

– Да уж, – язвительно отозвалась Инга, – кот кота видит издалека.

Он вопросительно посмотрел на нее.

– Ты же кот по китайскому гороскопу, – напомнила она.

– А, ты об этом...

– Кстати, если уж вы так сдружились, и у тебя все равно вся неделя будет свободной, будь так любезен, свози кошку на прививки.

Святослав неопределенно пожал плечами. Инга неодобрительно глянула на него и пошла залечивать свои раны.

– «Кошка – обладательница огромных глаз, – продолжала Анисья штудировать Интернет, кажется, даже не заметив стычки, произошедшей у нее за спиной. – Среди всех домашних животных глаза у кошки самые большие по сравнению с величиной собственного тела, и если бы величина глаза по отношению к телу человека была такой же, как у кошки, то человеческий глаз имел бы двадцать сантиметров в диаметре!»...

Пригревшись у Святослава на коленях, Мелисса подогнула под себя лапы, вытянула вперед мордочку и сладко уснула. Ему пришлось дочитать журнал до самого конца, прежде чем он наконец решил разбудить котенка, чтобы подняться и тоже пойти спать.

Алиса вернулась поздно, и хотя Богдан, судя по стоявшей внизу машине, был дома, свет нигде не горел. Не дай бог, подумала она, проходя по комнатам в поисках Богдана, лучше бы он просто спал без задних ног или даже был пьян, лишь бы только не...

Богдан нашелся в бельевой – сидел напротив включенной стиральной машинки и смотрел, как в центрифуге перекачивается мыльная вода. Костюм на нем был помят, галстук съехал на бок, волосы взлохмачены, из штанин торчали голые ноги. Алиса догадалась, что носки-то он скорее всего и стирает.

Алиса присела рядом с ним на корточки.

– Пойдем, – сказала она, тоже глядя на стиральную машинку.

– Скажи, ну зачем я тебе нужен такой, а? – повернулся он к ней.

Начинается.

– Носки сами постираются, – не желая поддаваться на его провокации, терпеливо сказала Алиса. – Пойдем. Я подогрею тебе молока с медом, и мы ляжем спать.

– Молоко с медом... – мечтательно повторил он за ней. – Меня мама поила молоком с медом, когда я болел.

– Ну а теперь я напою... Ты же не против?

– Скажи, лиса, ну зачем я тебе нужен такой? – повторил он. – Я же ни на что не гожусь, ни на что не способен, я же ничего не добился в жизни – ты только посмотри на меня!...

Алиса и правда не могла смотреть на него без жалости в такие моменты, и за это ненавидела и его, и себя.

Примерно раз в полгода с ним случались приступы депрессии, которые длились от недели до месяца. Нестабильная нервная психика, говорили врачи, возможно, следствие перенесенных в детстве травм – никаких других физиологических или психологических отклонений в процессе многочисленных обследований найдено не было. От них не находилось другого средства, кроме терпения Алисы и Веры Павловны, которая в такие моменты всегда приходила им на помощь, и надежды, что рано или поздно все пройдет само собой.

В общем-то, ничего страшного не происходило: просто Богдан отказывался выходить из дома, почти не ел, практически не спал, и не делал ничего, только без конца терроризировал окружающих своим нытьем по поводу того, что он никому не нужен и что никто его не любит, а те, кто находится рядом, наверняка держатся за него только или из-за денег или из жалости. В остальное время Алиса очень терпимо относилась к нему, но в такие периоды действительно с трудом переносила его общество, потому что из активного и уверенного в себе человека, всегда знающего чем себя занять, он превращался в жалкого нытика, выносить общество которого и правда можно было только за приличную плату.

И тем не менее именно в моменты его кризисов с ним приходилось проводить больше всего времени. Он требовал к себе постоянного внимания: его тянуло на бесконечные выяснения отношений, выпытывание признаний, на самокопание и самобичевания. Даже когда Алисы не было дома, он звонил ей в десять раз чаще, чем обычно, и не дай бог, если ей случалось опоздать и придти домой позже обещанного – количество нытья и придинок увеличивалось втрое, и можно было забыть о себе не только на весь вечер, но и на ночь, а чаще и на весь следующий день.

Алиса допоздна просидела с Богданом в бельевой. Принесла туда подушек, набросала их прямо на пол. Он, как всегда, заставил лечь ее к нему на колени, распустил ее длинные волосы, которые она обычно собирала пучком на затылке, и перебирал густые рыжие пряди, снова и снова повторяя, как ему все надоело и какой он несчастный и что за всю жизнь он не совершил ни одного стоящего поступка. Алисе хотелось принять душ и лечь спать, но она знала, что Богдана нельзя торопить, что если дать ему возможность выговориться, то он успокоится и согласится пойти спать гораздо быстрее, чем если давить на него.

Наконец он сам предложил пойти на кухню.

– Сделаешь мне молоко с медом? – спросил он.

– Конечно.

Перед тем как уйти из бельевой, он вытащил из машинки два постиранных носка и аккуратно развесил их на сушилке для белья.

Потянулись бесконечные дни.

Домой возвращаться не хотелось, но надо было. Вера Павловна потребовала прибавку к зарплате.

– Но вы же понимаете, что такие решения может принимать только Богдан, – сказала ей Алиса, – так что пока он не придет в себя...

Вера Павловна все понимала, но не отстала от нее, пока она не пообещала заплатить ей из собственных денег.

Богдану не было хуже, но и не становилось лучше.

Через месяц такого существования Алисе снова приснился один из ее странных снов.

Она проснулась от тревожности, дрожащей в воздухе. Спрыгнула с подоконника и пошла по темной квартире искать источник беспокойства. Он обнаружился в спальне. Тот самый, большой и теплый, без движения лежал в постели, но сегодня ему не было ни хорошо, ни спокойно. От чувств, которые он испытывал, дрожали усы и напрягались подшерсток.

Она запрыгнула на кровать и забралась к нему на грудь. Он устало попытался согнать ее, но она снова залезла на него. Свернулась калачиком, уткнувшись носом в мелкие завитки волос у него на груди. Снова пахло чем-то из прошлой жизни.

– Мелисса-лиса-Алиса, – вдруг сказал он, и она, подняв мордочку с лап, наострила уши. – Упрямица такая...

Больше он ее не прогонял.

Через какое-то время его пульс выровнялся, и он задышал ровно и глубоко. Уснул.

Где-то совсем близко билось его сердце. Гораздо медленнее, чем ее собственное. Это успокаивало, как тиканье часов.

Она тоже задремала.

Египет, IV в. до н. э.

Она появилась в их доме после очередного успешного военного похода – молоденькая рабыня четырнадцати лет. Рыжеволосая, со светлой кожей, она так быстро обгорала на солнце, что жена в скором времени перевела ее работать в дом. Та так хорошо справлялась со своими обязанностями, что надолго там осталась. Была тихая, почти не говорила на их языке, но при этом прекрасно все понимала, делала все быстро, бесшумно передвигалась по дому, аккуратная, смышленная, чисто плотная, чего нельзя было сказать о большинстве рабов, пригоняемых из Сирии. Хотя, возможно, эта была и не из Сирии – ведь она ничего о себе не рассказывала, поди разбери, откуда она родом.

Сначала жена не слишком заботилась об одежде для новой служанки – Иса ходила почти нагишом, только повязка вокруг бедер да какие-то ремешки на предплечьях. Тоненькая, еще не развившаяся как женщина, она и опасений-то у той никаких не вызывала: куда уж ей до наливных округлых форм четырежды матери! Да он и сам почти не замечал эту полудевочку, только злился, когда ее не оказывалось под рукой, потому что только она умела помочь ему принять ванну так, чтобы не приходилось без конца повторять, сколько и куда надо лить воды и как натирать его маслами после водных процедур. Но однажды, сидя в ванне и размышляя над тем, как изменить порядок сбора податей с землевладельцев, чтобы и у тех это не вызывало слишком бурного недовольства, и чтобы фараон остался удовлетворен притоком средств на военные нужды, он вдруг уперся взглядом в грудь своей служанки, стоявшей напротив него, и

обнаружил две красивых округлых сферы с маленькими розовыми сосками. Скользнул взглядом ниже по животу и бедрам, по длинным стройным ногам, почувствовал, как, поднимаясь от паха, по телу горячо прошла волна желания...

Однако нужно было собираться в ведомство и он, встряхнувшись, заставил себя переключиться на мысли о службе. Да и неужели у него мало наложниц, чтобы думать еще о какой-то рабыне-служанке? Нужно будет навеститься вечером на женскую половину или даже к жене. Она, конечно, разозлила его своим непотребным поведением – уже который раз он заставлял ее в обществе купца, который снабжал их тканями для платьев, и каждый раз она как-то уж слишком развязно себя вела при этом. Хотя он вовсе не собирался ее наказывать за это или выгонять ее из дома – все-таки она мать его детей и, несмотря на этого купца, он уверен, она верна ему, да и весь дом держится на ней. И все-таки он дал ей понять, что вполне способен на это, и теперь наслаждался тишиной и покоем, временно воцарившимися дома. Жена была тише воды, ниже травы и хоть какое-то время не утомляла его своими придирками насчет того, что у них в доме меньше слуг, чем подобает его статусу, и недостаточно золотой и серебряной посуды, и драгоценностей у нее не так много, как у ее товаров, и что постоянно приходится на всем экономить. Да, нужно будет зайти к ней как-нибудь, пока она такая покорная.

Однако несмотря на любовные утехы с женой и последующие встречи с наложницами, Иса не перестала его волновать. Кожа горела под ее ладонями, которыми она умело натирала его тело, а он боялся перевернуться на спину, чтобы не обнаружить свое возбуждение, которое охватывало его каждый раз, когда она касалась его. Однажды он все-таки не выдержал и привлек ее к себе, овладел прямо в омывальне, на расстеленных влажных полотенцах. Не встретил ни сопротивления, не услышал ни вскрика, только задрожали ресницы и на щеках появился легкий румянец. Она была такой красивой – совсем не такой, как все окружающие женщины, его собственная темная оливковая кожа казалась почти черной по сравнению с ее прозрачной белизной.

С тех пор он забыл обо всех наложницах и даже о жене, которая снова понесла и переживала из-за того, что муж охладил к ней. Неудивительно, что как только она обнаружила причину его равнодушия, застав его с рабыней среди влажного пара омывальни, Иса сразу же куда-то пропала.

Это не подвигло его оказывать больше внимания жене.

– Я подам на тебя в суд за неисполнение супружеского долга, – пригрозила она ему.

– А я на тебя – за супружескую неверность, – ответил он, припомнив ей ее купца.

За неисполнение супружеских обязанностей мужчине грозил штраф, а за неверность женщины – смертная казнь. Жена притихла, и Иса вернулась в дом, правда, укутанная с ног до головы в непрозрачные одежды. Но это уже не имело значения, ведь он-то знал, что именно припрятано под длинным балахоном, и по-прежнему сгорал от нетерпения, дожидаясь момента, когда можно будет уединиться с ней в омывальне.

Иса и жена родили почти в одно время: жена – еще одну девочку, Иса – мальчика.

Надо было сразу признать сына своим – почему он этого не сделал? Боялся, что жена после этого совсем обозлится?

Однажды Иса пришла в омывальню все такая же тихая, но заплаканная – мальчик пропал. Быстро выяснилось, что над этим постаралась жена – избавилась от него, продала каким-то заезжим работорговцам. Он после этого целый месяц с ней не разговаривал и не давал денег на косметику и благовония.

– У нас будут другие дети, – пообещал он Исе.

Та, как ему показалось, совсем ему не поверила, и он испугался, что она наделает глупостей – следил за ней в оба глаза. И все-таки не уследил. От следующего ребенка она попыталась избавиться.

– Глупая, глупая, – приговаривал он, пока ждал вердикта осматривающего её врача, а на глаза при этом наворачивались слезы, которые он смахивал, воровато оглядываясь по сторонам – лишь бы никто не заметил его слабости.

Иса не выжила – ушла в себя, в своё горе, отказалась бороться, покорилась злорадству его жены и тихо сгорела.

И не стало ему радости на всем белом свете. Не помогало ему больше его вечный покровитель – бог Ра. Смотрел на него с синего небосвода слепящим солнцем, глазами статуи огромного черного кота равнодушно взирал на него в своём храме, молчал своим изображением на фресках – как будто отверг его и осудил за что-то и больше не обещал ни облегчения, ни утешения, ни покоя в душе.

Прошло несколько лет. Боль не то чтобы окончательно сошла на нет, но несколько притупилась. Росли дети, хотя и не обходилось без частых болезней и смертей, жена сохраняла и преумножала благосостояние дома, наложницы осваивали новые танцы, песни и виды интимных ласк, он продвигался по службе. Все ещё тосковал по чему-то непережитому. Не чувствуя поддержки от своего покровителя бога Ра, отвернувшегося от него, наконец решил обратиться за помощью к другому божееству и поехал в город Бубастис, где поклонялись великой Баст – богине радости, любви и веселья.

Ему и раньше доводилось бывать в этом городе, куда они с женой ездили на ежегодный праздник, проводимый в честь этого божеества с телом женщины и головой кошки: жена обращалась к ней как к богине плодородия и деторождения в надежде, что та поможет ей наконец родить мужу наследника. Но теперь ему самому вдруг страстно захотелось побывать в святилище этой небожительницы, как будто она могла дать ответы на его вопросы и даровать долгожданное забвение.

В Бубастисе как нигде поклонялись кошке: везде встречались изображения этого животного, статуи и статуэтки, да и сами они, во плоти, виднелись повсюду – на крышах, заборах, деревьях. Ему вспомнилось, как на празднике в честь богини Баст какой-то несчастный возница имел неосторожность задавить одну из них, так озверевшие женщины, участвовавшие в праздничной процессии, забили его камнями на месте. Кошек обожествляли и берегли как главных защитниц от грызунов, которые не в меру расплодившись могли уничтожить все запасы зерна и оставить народ голодать.

Наконец он достиг храма. Длинная мощеная аллея, ведущая ко входу, была по обе стороны обсажена финиковыми и кокосовыми пальмами, в самом храме было тихо и прохладно, пылинки плавали в лучах света, льющегося из высоких окон. Огромная статуя самой Баст возвышалась чуть ли не до самого потолка. В одной руке Баст держала систрум, в другой – корзинку, её одежда была выкрашена в зелёный цвет, в ногах сидело четыре котенка. Несмотря на божественность, было в ней что-то тёплое, материнское. Ему вдруг вспомнилась его собственная мама. Он был самым первым ребенком в семье, и после его рождения она никак не могла забеременеть снова, а когда дети все-таки рождались, то жили совсем недолго, и поэтому всю свою любовь она изливала на него одного. Так безусловно и беззаветно его никто и никогда больше не любил. Разве что... Но о ней лучше не вспоминать.

Навстречу ему в зеленом одеянии с кошкой в руках вышел один из жрецов храма, и они по внешним атрибутам в одежде распознали друг в друге людей одинаково высокого положения. От жреца веяло теплом и спокойствием, и он сам не заметил, как рассказал, зачем приехал.

– Поезжай домой, – сказал ему жрец. – Она наверняка где-то рядом. После смерти женщины её душа переходит в кошку, живущую в доме. Может, и Иса давно уже ждет, что ты узнаешь её.

– Я слышал, что такое происходит только с душами жен, – возразил он.

– Порой жена – не та, которую признает закон, а та, которую любишь. Поезжай домой, – повторил жрец.

Он был разочарован словами жреца и, как и думал, по возвращении домой не заметил ничего нового ни в живущих дома кошках, ни в шелесте над головой пальмовых листьев, ни в игре света и тени на дорожках внутренних дворов.

А потом вдруг появилась она – рыжая кошка, непривычно выделяющаяся среди зверей обычного камышового окраса, которые в основном населяли Египет. Кажется, она возникла откуда-то сама по себе, по крайней мере никто не знал, откуда она взялась. Пришла к нему, когда он лежал в ванной, запрыгнула на стоящий рядом столик, посмотрела на него светло-зелеными глазами. Он позвал служанку и приказал налить кошке молока с размоченной в ней ячменной лепешкой. Кошка все съела, а вечером пришла к нему спать. Так и осталась при нем. Вместе с ним спала, ела, встречала его, когда он приходил с работы.

Он не знал, было ли это простым совпадением, но именно с ее появлением он наконец-то обрел долгожданный покой. Не то чтобы жизнь стала такой же счастливой и безоблачной, какой была когда-то, но по крайней мере появилась надежда на что-то... на что? Он не мог сказать. Просто жить стало легче. Он еще раз съездил в Бумбастис и преподнес богатое подношение Баст за то, что та помогла ему.

Снова ехать в город кошачьей богини пришлось через пятнадцать лет, когда умерла его рыжая любимица. Все в семье остригли волосы, побрили брови и надели траурные одежды, а он сам будто второй раз хоронил любимого человека. Маленькое тельце мумифицировали и со всеми почестями погребли на кошачьем кладбище.

С того момента, когда он не смог больше чувствовать ее тепло и смотреть в ее светло-зеленые глаза, он начал готовиться к собственной смерти и загробной жизни: все любимые ждали его там, в подземном царстве Амона-Ра, и у него не было больше желаний, как только попасть в него поскорее. Судьба не стала томить слишком долго – уже через год пережившая его жена и шесть дочерей провожали его в последний путь.

Святослав проснулся утром и первым делом нащупал рукой привалившееся к нему горячее тельце.

– Ну и кто вчера придавил меня своей тушкой? – обратился он к Мелиссе.

Та потянулась вытянув лапы и зевнула.

Она подросла с тех пор, как появилась в их доме, научилась ухаживать за собой, регулярно и тщательно вылизываясь, ее шерсть теперь густо и шелковисто блестела, глаза из младенческого голубого превратились в прозрачный светло-зеленый, движения стали более точными и уверенными. Теперь каждый, кто попадал к ним домой и видел ее, неизменно начинал восторгаться ее красотой и холеностью, а Инга от этих слов цвела так, будто имела непосредственное отношение к появлению Мелиссы на свет.

– Пошли уже, Лиса, – позвал Святослав, – будем умываться и завтракать – у нас сегодня много дел.

Мелисса послушно последовала за ним.

Он чувствовал себя намного лучше, чем накануне. Прошлым вечером Инга с Анисьей уезжали на несколько дней к маме Инги, и перед расставанием опять не обошлось без ссоры.

– Зачем тогда ты вообще со мной живешь, если тебе все во мне не нравится? – вспыхнул Святослав, устав выслушивать претензии Инги.

– Мне не все в тебе не нравится, – сказала она. – У тебя масса достоинств.

– И каких же? – язвительно поинтересовался он.

– Ну... – задумалась она. – Ты хорошо готовишь.

– Да, но ты регулярно критикуешь мою стряпню!

– Вовсе нет!

– Да!

– С тобой невозможно, – подвела она итог. – Мы лучше поедem, а поговорим потом, когда ты немного успокоишься.

Вот так она еще и обвинила его в излишней раздражительности, которую сама же и спровоцировала.

Ему и так хватало проблем с работой: лето было в самом разгаре, не сезон, все в отпусках, на дачах, на пляжах – какие уж тут заказы! А она вместо того, чтобы поддержать его, еще и подливала масла в огонь. Но вчера что-то случилось, и ему вдруг стало легче. И спал он хорошо, а с утра его к тому же осенила идея, как можно немного поправить свои дела, так что снова появилась надежда на лучшее, и настроение окончательно выправилось.

Черт с ней, с Ингой. Ее проблемы, что она вечно всем недовольна.

Богдан наконец-то пришел в себя. Проснулся однажды утром, как ни в чем не бывало умылся, побрился и пришел на кухню завтракать.

– Как у тебя дела? – спросил он Алису, целуя ее в висок.

– Нормально, – сказала она. – Вера Павловна требует прибавки к зарплате.

– А почему бы и нет? – отозвался он, с аппетитом откусывая от тоста. – Мы ведь давно не повышали ей зарплату? Год? Два?

– Я не помню.

– Точно не меньше года. В общем, передай ей, что мы уладили этот вопрос.

– Хорошо.

Богдан умчался на работу, Вера Павловна окончательно успокоилась. Ближайшие выходные Алиса проспала без задних ног, ни на минуту не выйдя на улицу, без единой мысли в голове.

– Мы с Русланом, моим партнером по бальным танцам, собирались осенью участвовать в соревнованиях, – сказала Анисья, когда они вдвоем со Святославом сидели вечером в зале.

Он оторвался от журнала и посмотрел на нее, ожидая продолжения.

Анисья в нерешительности помолчала.

– А вчера мама, – наконец сказала она, – страшно поругалась с нашим тренером и сказала, что мы будем искать другого преподавателя. Она наговорила столько гадостей Алисе...

– Алисе?

– Алиса Рудольфовна – это мой преподаватель бальных танцев. Так вот она наговорила ей столько гадостей, что Алиса, кажется, и сама теперь не хочет заниматься с нами. Но я не хочу уходить от нее к кому-то другому....

– Она так хороша? – поинтересовался Святослав.

– Она лучшая, – заявила Анисья, – несмотря на то, что кое-кто не хочет этого признавать. Только мама, конечно, и слышать не хочет о том, чтобы извиниться перед ней... Не знаю, что мне делать.

Святослав в задумчивости гладил Мелиссу, лежащую у него на коленях. У нее были бархатные ушки и шелковая макушка, и ему нравилось, когда она, как сейчас, упиралась в его ладонь мягкими теплыми подушечками лап, будто отталкивая его руку, но тут же снова притягивала ее, обхватывая запястье, и при этом мурчала от удовольствия.

– А тебе чего хотелось бы? – спросил он Анисью.

– Чтобы Алиса снова занималась с нами. Хочу попасть на осенние соревнования.

– И как ее можно убедить не отказываться от вас?

– Может, ты с ней поговоришь? – Анисья повернулась к нему на стуле и с надеждой посмотрела на него.

– Почему я? – изумился Святослав.

– Ты же знаешь маму, она сразу начинает давить и угрожать, а с Алисой так нельзя. А ты умеешь обращаться с людьми и обязательно ей понравишься...

– С чего это ты взяла?

– Не знаю, мне так кажется. В любом случае мне больше и надеяться-то не на кого.

Эта последняя фраза окончательно разрушила намерение Святослава не ввязываться в дела матери и дочери.

– Хорошо, – сказал он. – Я попробую. Как мы это сделаем? Мне подъехать к вам на занятия?

– Я тебе скажу, когда приехать.

– Только согласуй предварительно со мной. Скорее всего, я буду занят практически всю неделю, так что нужно будет специально выделить время.

Анисья радостно кивнула и снова повернулась к компьютеру.

Вот не было печали, подумал Святослав.

Давно Алису никто не выводил из себя так, как эта лощеная дамочка – мать Анисьи. Говорила с ней в таком тоне и с таким непоколебимым осознанием своего права на подобное поведение, что хотелось расцарапать ей щеки.

– Мы найдем другого тренера, – заявила она.

Ее, видите ли, не устраивает, что ее дочь после двух лет занятий до сих пор относится к классу новичков! А ничего, что именно по ее настоянию Анисье в середине прошлого учебного года поменяли партнера, потому что предыдущий отказывался участвовать в соревнованиях, а Руслана, которого нашли вместо него, пришлось подтягивать до уровня Анисьи до конца сезона? И ведь мать Анисьи была заранее поставлена в известность, что их ждут эти трудности и что о больших успехах не может идти речи по крайней мере до осени! А теперь она высказывает свое недовольство достигнутыми результатами, жалеет о зря потраченных деньгах и, как будто походя, ставит под вопрос ее, Алисы, компетентность!

Черт бы с ней, на самом деле Алисе было плевать на чьи бы то ни было попытки уязвить ее, но она вдруг поняла, что ей жаль расставаться с Анисьей. Обычно она довольно ровно относилась к своим ученикам, развивала талантливых, подтягивала отстающих, но с появлением Анисьи будто что-то оттаяло в ее душе, что-то, что было заморожено и замуровано с тех самых пор, как Алиса сама перестала танцевать. И теперь она смотрела на свою ученицу, и ей, пусть не самой, а посредством кого-то, хотелось снова пережить давно исключенные из жизни чувства: счастье выходить на танцпол перед судьями и публикой, радость победы, гордость за себя, восторг, ликование, ощущение успеха. Было очевидно, что из Анисьи и Руслана может получиться звездная пара, и у Алисы было желание научить их всему, что знала она сама, подготовить к серьезным соревнованиям, вырастить из них настоящих чемпионов, но после разговора с этой самоуверенной скандалисткой пыла у нее заметно поубавилось. С таким отношением это будут не танцы ради танцев, а танцы ради каких-то чужих, причем скорее всего недостижимых целей, и этому кому-то всегда будет мало любых побед. Алиса не собиралась смотреть, как этот кто-то будет калечить психику детей, развивая неврозы и заставляя всегда быть неудовлетворенными достигнутыми результатами, – довольно, навиделась она таких спортсменов. Сама когда-то была такой.

На следующем занятии Алиса собиралась сообщить о своем решении ученице и покончить с этой неприятной ситуацией, но на этот раз за ней приехала не мама, а какой-то мужчина.

– Святослав, Алиса Рудольфовна, – представила их друг другу Анисья. – Я пошла переодеваться?

Анисья вопросительно посмотрела на обоих.

– Конечно, иди, – отпустила ее Алиса. – Вы отец?

– Вроде того, – сказал Святослав.

Он смотрел на эту гибкую рыжеволосую девушку и в кои-то веки не знал, как начать разговор. Он наблюдал за ней, пока не кончилось занятие, и понял, что мог бы делать это бесконечно – смотреть на её наклон головы, движения рук, легкую поступь по паркету. У неё была замечательно ровная, длинная спина, по которой хотелось провести рукой – от незащищённых шейных позвонков до самого копчика, прячущегося под юбкой, вьющейся вокруг ног.

Алиса взглянула на него вопросительно.

– У вас глаза цвета, как у нашей кошки, – вдруг сказал он. – Такие же светло-зелёные и прозрачные.

Она несколько секунд непонимающе смотрела на него, а потом откинула голову назад и рассмеялась.

У неё была изумительная, тонкая и длинная, шея.

– Любите кошек? – спросила она, успокоившись.

– Никогда не задумывался об этом, но, кажется, да, люблю.

– Пойдемте, я угощу вас чаем. Анисья обычно долго собирается, так что мы как раз успеем выпить по чашечке.

Она провела провела в его обществе всего минут пятнадцать, и непонятно, что именно заставило её изменить своё мнение насчёт дальнейших занятий с Анисьей и Русланом. Но то, как девочка разулыбалась, когда Святослав сообщил ей о согласии Алисы остаться их с Русланом тренером, было самым большим удовольствием для Алисы за долгое-долгое время.

Пока Святослав ехал вместе с Анисьей домой, подумал, что мог бы почаще забирать её с занятий танцами – это был бы хороший повод встречаться иногда с Алисой. Даже не то чтобы встречаться – смотреть на неё. Прятаться за одной из толстых желтоватых колонн, поддерживающих потолок танцевального зала, и наблюдать за её движениями, отражающимися в натертом до блеска паркете.

Однако к счастью для его работы и к несчастью для всех остальных интересов, наконец-то пришла осень, он стал проводить тренировки почти каждую неделю, и намерение почаще видеть преподавательницу Анисьи благополучно забылось. Анисья начала готовиться к соревнованиям, Инга, видя занятость Святослава, немного успокоилась. Все пошло своим чередом.

Она чувствовала, как он устал, как сведены мускулы его спины, какие напряжённые вибрации исходят от его горла, нагруженного за день беспрестанных разговоров, как ото лба упругим пульсирующим пятном распространяется боль. Прилегла к нему на колени, позволила себя погладить и почесать живот, втянула в себя воздух, судорогой сведённый вокруг него, каждым волоском вобрала то нехорошее, что дрожало у него внутри. Ляг, иди ляг, внушала она ему, мне будет проще помочь тебе.

– Ну и что, что в каком-то там клубе не признают её родословной? – доказывал он хозяйке. – Ты же не для того её брала, чтобы хвастать её происхождением перед подругами!

– Представь себе, и для этого тоже! Да если бы я только знала, что принесла в дом безродную дворовую кошку вместо британской короткошерстной!..

– То что бы ты сделала?

– Да никогда бы этого не случилось! Кстати, ещё не поздно все исправить.

– Не смей, – сказал он, и она, лежа на его коленях, почувствовала, как он замер и как напряглись его мышцы под кожей. Поваяло угрозой и опасностью, а пульсирующее пятно увеличилось в размерах.

– И что ты сделаешь?

Он ничего не ответил и, подхватив её на руки, ушёл в спальню.

Наконец-то лег, перевернулся на живот, раскинув руки в стороны. Она походила по его спине, потерлась о его ухо, полежала, растянувшись вдоль его позвоночника и снова принюхи-

ваясь к его волосам. Почувствовала, как он наконец-то немного расслабился, как слегка спало напряжение и сердце забилося ровнее. Скатилась с его спины, когда он перевернулся на бок, привалилась к его животу, зевнула сладко.

Спи, мой человек, спи крепко и поправляйся. Завтра будет лучше, чем сегодня.

Римская Империя, I в. до н. э.

Их семья была хоть и знатной, но порядком обедневшей, кроме того, Алисия была самой младшей среди своих пяти братьев и пяти сестер, поэтому когда настала пора выдавать ее замуж, родителям, уже справившим десять свадеб, нечего было предложить в качестве приданного за своим поздним и, видимо, поэтому самым любимым и лелеемым ребенком. Единственное, чем они смогли обеспечить ее в полной мере, это прекрасным образованием – полученные ею знания касались не только традиционных для девочек умений вести домашнее хозяйство, танцев, пения и музицирования, но и точных наук, искусства логики и ораторства, изучать которые ее братьев отправляли в Грецию. По большому счету ее даже не приходилось обучать специально – она все схватывала на лету, а если чего-то не понимала, то требовала разъяснений у братьев или отца. Все с удовольствием проводили с ней время и делились своими знаниями и умениями, так что к моменту, когда она выросла, в плане образованности она могла бы посоперничать с любым молодым человеком из знатной семьи, только что вернувшимся из Афин и прошедшим полный курс точных и гуманитарных наук.

Однако это, к сожалению, практически не повышало ее шансы выйти замуж за человека их круга в виду отсутствия за ней приданного, и родители немало сокрушались, видя, что дочери уже исполнилось семнадцать, а подходящих женихов на горизонте как не было, так и нет.

Однажды к отцу на обед заехал его старый приятель, и пока они угощались сырами, холодной свининой, вином и фруктами, Алисия несколько раз мелькнула своими рыжими волосами между занавесок, огораживающих круглое помещение трапезной. Гость спросил, у кого это в семье друга такая яркая шевелюра, и тот позвал Алисию к столу и представил ее. Гость был высок и могуч – огрубевший вояка с обветренным лицом и руками и тяжелым взглядом из-под густых бровей.

– Пойдешь замуж за моего сына? – спросил он.

Его не остановило то, что за Алисией не давали приданного, и молодых вскоре обручили, а потом и поженили, после чего Алисия покинула отцовский кров.

В ее новой семье жили на гораздо более широкую ногу, чем ее родители, но вот нравы в ней царили весьма устаревшие: всем в доме заправлял глава огромного семейства – тот самый вояка, который выбрал ее в жены своему сыну, а все остальные, начиная с его жены и заканчивая малыми детьми, слушались его беспрекословно, и даже когда он пребывал в своих бесконечных военных походах, четко следовали установленному им порядку. Его старший сын Клавдий, теперешний муж Алисии, не был исключением, хотя она и замечала, что далеко не все отцовские решения приходились ему по душе.

– А на мне ты женился тоже только потому, что он так захотел? – спросила она его как-то.

Клавдий это отрицал, но было понятно, что даже если бы она не пришлась ему по душе и не вызвала бы в нем нежные чувства, которые только крепили с каждым днем, то он все равно не посмел бы ослушаться отца.

Клавдий был высок и в отца черноволос, образован и хорошо развит физически – глава семьи тщательно готовил себе замену, которая должна была потребоваться рано или поздно. Он умел поддержать и умный, и шуточный разговор, сделать комплимент, был достаточно терпелив и деликатен, и Алисия тоже стала замечать, что молодой человек не оставляет ее равнодушной. Довольно скоро их дни и ночи наполнились новым смыслом, который появляется,

когда приходит первая влюбленность: солнце стало светить ярче, деревья казались зеленее, персики вкуснее, а все люди – лучше, чем они есть на самом деле.

В апреле из похода в Северную Италию под предводительством Юлия Цезаря неожиданно вернулся отец Клавдия – усталый, мрачный и еще более потяжелевший. В первый свой вечер дома традиционно отобедал в кругу семьи, а потом всех отослал из трапезной и тянул вино бокал за бокалом, становясь от этого еще мрачнее и тяжелее. Алисия, спрятавшись за одной из занавесок, с ужасом и плохо сдерживаемым отвращением наблюдала за ним.

Он заметил ее присутствие, хотя она стояла у него за спиной.

– Подойди, – сказал он. – Сядь.

Алисия опустилась рядом с ним на подушки. От него пахло пряным, терпким, горьким. Он резко и грубо потянул ее за руку, так что ей пришлось придвинуться к нему совсем близко. Она посмотрела ему прямо в глаза, готовясь дать отпор, а он вдруг поднял руку и коснулся ее волос, будто хотел узнать, какие они на ощупь.

– Придешь сегодня ко мне, когда стемнеет, – сказал он, выпуская прядь ее волос из рук и отворачиваясь.

– Никуда я не пойду, – сказала Алисия Клавдию, передав ему слова отца.

– Ты не можешь не пойти, – горячо возразил он.

– Еще как могу.

Утром высекли молодую рабыню, которая прислуживала Алисии.

– Придешь ко мне ночью, – повторил отец Клавдия.

Алисия не выдержала на пятый день, когда из-за нее наказали дочь поварихи – совсем еще девочку. Пришла.

Когда он навалился на нее, тяжелый, горячий, поняла, что сопротивляться бесполезно и злое упрямство охватило ее – лежала не шевелясь и не проронила ни звука. Ненавидела его всей душой. А когда он уснул, выскользнула во внутренний двор и почти до утра просидела, обрывая листья с акации.

Следующей ночью все повторилось.

– Будешь лежать бревном, – сказал он, – снова начну сечь рабов.

– И что же я должна делать? – зло спросила она.

– Ты знаешь, – ответил он. – Твое тело все знает, следуй ему.

На этот раз он не так торопился, как в первую их ночь: долго ласкал ее, изучал, растягивал удовольствие, приходя во все большее возбуждение. Он был более опытен, чем Клавдий, более искушен, и Алисия заметила, что невольно прислушивается к себе, и все равно в момент, когда он проник в нее, в ней снова не осталось ничего, кроме ненависти.

К счастью, он оставался дома не более двух недель, а потом снова отбыл за Цезарем.

Прошло какое-то время, прежде чем Алисия снова смогла быть с Клавдием. Понимала, что того не в чем винить, что он не смог бы противостоять своему отцу, но все равно винила и каждый раз, когда Клавдий пытался коснуться ее, вспоминала запах и тяжесть другого тела и его ощущение в себе, от которого передергивало и хотелось сбросить кожу и обрасти новой, которая не помнила бы прошлого.

Но постепенно все снова вошло в свою колею. Дни стали яснее, небо голубее, на душе легче. Алисия уже не могла как раньше относиться к Клавдию, но все равно любила его за его чистоту, пылкость и искреннюю привязанность к ней.

– Я никому тебя не отдам, – повторял он ей.

Но, конечно, он не смог сдержать своего обещания.

Снова вернулся его отец. Полдня в ванне, полдня за столом со всеми домочадцами, весь вечер не отрываясь от бутылки с вином. Ночью он ждал Алисию.

Если она не может этого избежать, то хотя бы постарается получить от этого все, что сможет, сказала она себе.

Он был прав: её тело знало, что нужно делать. Оно чувствовало, откликалось, учило её такому, о чём она не имела представления ранее. И он рядом с ней, выплеснув в страсти всю свою свирепость и злость, вдруг смягчился, успокаивался, как будто ненадолго забывал о том, откуда приходил в этот дом и куда должен был вернуться. Правда, тут же снова становился грубым и резким, и она снова ненавидела его, как в первый раз, царапалась и кусалась, не в силах сдержать свои эмоции, но только ещё больше распалила его этим.

Клавдий мрачнел с каждым следующим днём пребывания отца дома. Сжимал кулаки, стискивал зубы и клялся всеми богами, что не будет больше терпеть всего этого, и, конечно, продолжал терпеть. Ко всеобщему благу, тот вскоре снова отбыл в военный поход.

На этот раз Алисии не пришлось заново привыкать к Клавдию – отдавалась ему с лёгкостью, не думая, собирая и принимая все, что он мог ей дать. Тот замечал, что она стала более искусна в любви.

– Это он тебя научил? – ревниво спрашивал он.

Она не хотела об этом говорить, потому что после таких разговоров Клавдий впадал в меланхолию и долго переживал из-за своего бессилия.

Себя она перестала мучить вопросами, на которые не находила ответов: значит, судьба такая – двое мужчин, две постели, косые взгляды матери Клавдия, обо всем знающей, но не смеющей сказать и слова поперек своему деспотичному мужу. Хорошо, что хотя бы все остальные в доме пока ни о чём не догадывались, хотя надолго ли это?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.